

Георгий ГОРЬКИЙ

г. Москва — г. Севастополь

АМЕРИКА

рассказ

Мы были два простых парня. Вечерами брали по бутылочке пива — вернувшись с учебы или работы — и садились на широкую скамейку, одну из трех, стоящих буквой «П» у перекрестка. Мы смотрели на проезжающие троллейбусы — они бывали двух типов: короткие и длинные, «с гармошкой»; и на окружающих людей, они бывали одного типа — суетливые, спешащие купить хлеба, колбасы или того же пива и скорей укрыться у себя в квартирах. Мы доставали сигареты, прикуривали. Я носил «пилот» — такую черную куртку с оранжевой изнанкой, простые черные джинсы и бэг — дешевую тряпичную сумку. Мой друг — какой-то бесформенный пуховик и спортивные. Вспоминали о чем-то, смеялись, думали, чё делать дальше — вариантов, как правило, не было, а потому мы так и сидели, никуда не спеша.

Каждый, кто это читает, взглянув на нас тогдашних, сказал бы: гопники. Я же вообще не знал такого слова — мы ходили куда хотели, делали что хотели и никого не боялись. Мы выглядели так, как умели, и развлекались так, как умели — просто не зная других развлечений среди огромных коробок, в которых жили, и обладая теми средствами, которыми обладали, — то есть не обладая ничем. Кроме смутной надежды на то, что когда-нибудь будет иначе, будет что-то еще, кроме троллейбусов. Можно было стоять в подъезде, покуривая в окно, или сходить «на трубы» — но это если было денег хотя б

на бутылки три (дорога предстояла дальняя, в конец района), или шататься по улицам, или сидеть на лавках. Пока родители, придя домой с работы, занимались своими привычными делами — ругались между собой и протирали пыль.

Да, мы были гопотой — формально, внешне. Но при этом писали стихи — из нас выливались огромные грязевые потоки жутких, никчемных стихов, я измерял их количество сотнями, не успевая клепать сборники, и только на восьмом обнаружил: что-то наконец получилось. Писал их и Антон — так звали друга — и другие наши приятели, оставшиеся за пределами этой истории (да и вообще какой-либо истории). Мы ходили на «Корабль» — странную квартиру, куда нужно было позвонить семь раз подряд, чтобы тебе открыли. Там жил худой и непрерывно куривший человек старше каждого из нас — а нам было лет по девятнадцать — он издавал самиздатовский журнал «Корабль», и мы, запасшись бухлом и стишатами, спешили на этот «Корабль», чтоб вместе с ним снова идти ко дну. Там были люди с никами «Валькирия», «Дементия», «Темная принцесса», «Черный дождь» — нежно влюбленные в созданный ими образ толстые девочки, угловатые, некрасивые мальчики. Все молчаливо признавали для себя, что вряд ли когда-нибудь поднимется на борт большого литературного корабля, и, приняв это «умолчание», ожесточенно спорили на страницах самопального журнала, боготворили — или разбивали в

прах — друг друга, строили козни, давили, ломали, грызли друг друга — все, как и положено «настоящему». Антон придумывал премии, помню названия некоторых: «Поэтика», «Строфика», можно было награждать друг друга, голосуя в прокуренном подъезде, возле лифта, прижавшись к теплой батарее спиной.

Об этих людях, хоть и не нашел со многими общего языка (это не важно), я вспоминаю с очень большой теплотой. Спустя много лет я упомянул о них в своей так называемой «нобелевской речи», когда меня пустили поглазеть на мир гигантов мысли, на большой и уже настоящий «Корабль» — на вручение литературной премии, придуманной уже не Антоном. Наивный, я написал о тех парнях и девчонках, что грезят, живут литературой, дышат ею и даже не верят в то, что им когда-нибудь дадут сигнал с большого «Корабля»: поднимайтесь к нам! Должно быть, боги литературы, восседавшие в жюри, изрядно потешились над моим письмецом: «Вот идиот-то!»; у меня не было ни одного знакомого на их «Корабле», и меня, схватив за руки и за ноги, выбросили за борт. Надо было писать другое, но я был честным — я знал, что это не я поднялся на борт Корабля писателей, а они, мы все — странные гопники, провожавшие взглядом троллейбусы. Впрочем, слова мне так и не дали. Мы, гопота, странные, мы не можем забыть обиды.

Так вот, на «Корабле»-то мы и познакомились с той девушкой — ее звали Мор. То есть Морганой, леди ле Фей, как она себя называла. Она была старше нас, готовилась стать инженером, и у нее уже была книжка — опубликованная в каком-то издательстве, настоящая. Мор никогда не показывала ее нам, но мы, раскрыв рты, верили. И пригласили ее посмотреть на троллейбусы с нами, обещали угостить пивком. Она долго сомневалась, но, видимо, не смогла устоять перед нашим обаянием — простых петербургских лузеров с окраины. И вот она сидела, болтая ногами, в красном пальто, на одной из трех скамеек, другие занимали мы с Антоном. И, конечно, старались ей понравиться: от нечего делать, просто так — ибо если встречаются девушка и два парня, по-другому быть вроде не может. Антон убеждал ее поучаствовать в придуманной им тут же премии, а она, понимая, что для этого нужно прочесть километры муторных стихов

от одиноких, истосковавшихся по женскому вниманию парней, отнекивалась как могла.

Моим козырем перед Антоном было то, что я не только писал, но и читал — в недолгих перерывах между распитием алкоголя и созерцанием троллейбусов. А раз читал, то и писал, соответственно, больше. И у меня была книга, а если быть честным — простая тетрадка в клеточку, наполненная матом, извращениями и убийствами до самой последней страницы — я писал бы еще, но тетрадка кончилась. Моргану была высокого мнения об этой «вещице», она называла ее отборным и даже талантливым (нет, мне это не слышалось) трэшем. Но я не знал, что значит «трэш», и искренне утверждал, что написал книжку о трагичности любви и, в принципе, ее невозможности. С тех пор я для себя так и определяю трэш — как творчество о невозможности любви. Она смеялась.

У Антона против меня был свой джокер — он разбирался в фэнтези и фантастике, сыпал терминами, каких я даже не слышал, и пересказывал сюжеты, от которых меня клонило в сон. Но Моргане нравилось, и я с каждой секундой все отчетливее понимал, что Антон завладел ее вниманием окончательно и бесповоротно.

— Не, — говорил я, отхлебывая пивко. — Фэнтези и фантастика — это все туфта. Настоящие жанры — это бытовые. Суровый, жестокий реализм, — распался я. — Да-да, а вы что думали?

— Да ну тебя с твоим реализмом, — Антон занервничал, ведь в реализме ничего не смыслил.

— Вот-вот, — говорил я. — Есть такой сборник рассказов, написанных охранником какого-то клуба, который в начале девяностых бандосом был. «Огненное погребение», — добавил я. — Очень хочу почитать.

Моргана изменилась в лице, посмотрев на меня не просто как на лузера, а вообще как на биологический мусор. Как человек с претензией на интеллект, в ее глазах я совершил самоубийство.

— Чего? — спросила она.

— Огненное погребение, — машинально повторил я. — Откровения охранника.

Тут я и сам почувствовал себя погребенным под ее огненным взглядом, полным презрения к жалкому, непросвещенному быдлу.

— Огненное погребение — это сборник рассказов Адольфа, — торжествующе сказала интеллектуалка.

Конечно, я понятия не имел, кто такой Адольфыч, но книгу про «огненное погребение» мне широко рекомендовал один хороший знакомый из числа тех же, кто «пишет, да все не туда». А я и поверил, развесив уши. Адольфыч — это явно не охранник, думал я, это, наверное, культовый персонаж. И уж, конечно, он не клепал стишки про любовь и кровь, как это делали мы с Антоном, чтобы потом выдвинуть на свои же премии.

Не зная, куда спрятаться от стыда, я лопотал что-то неразборчивое (на самого Адольфыча мне было наплевать, но неловкость произошедшего очень тяготила: казалось, что она сейчас встанет и уйдет, бросив что-нибудь вроде: вы дебилы!). Но тут произошло событие, которое заставило нас забыть об «Огненном погребении», о реализме и трэше вместе взятых. Хотя именно они-то и наступили. Нет, не проехал очередной троллейбус. К нашим скамейкам подошел мужик лет пятидесяти на вид — бородатый, усатый, с пьяным и уставшим взглядом. Он сел на скамейку и нам на уши практически одновременно.

— Вы тут все о поэзии, — сказал он почему-то, и мы решили: проще согласиться, чем объяснять все тонкости возникшего между нами непонимания. — А я вот о ненависти, — довершил мужик и замолчал на какое-то время, но затем, увидев, что мы никак не реагируем (ну разве что притихли да и Мор куда-то засобиралась), произнес громко, но не глядя ни на кого из нас:

— Ненавижу! — и обхватил голову руками. Нет, это не оборот, показавшийся мне как автору уместным. Мужик действительно обхватил руками голову. Похоже, ему было нехорошо. Но кого он так ненавидел? Нас? Это вряд ли. Чем мы его могли так раздосадовать? Жену, выгнавшую из дома? Нехватку денег на пиво? Свою неудавшуюся к столь почтенному возрасту жизнь?

Мы не терялись в догадках, мы просто сидели, но мужик не выдержал и признался сам:

— Америку! Америку, мать ее, ненавижу.

Одет мужик был бедно — под стать нам с Антоном. Черный пуховик с красными и синими полосками, джинсы, кроссовки.

— Я во Вьетнаме бывал, слышите, — заговорил он скороговоркой. — И в Афганистане бывал. И в Северной Африке бывал. И просто бывал в Африке.

Я не знал, как реагировать на эти заявления. Для нас с Антоном все эти края были только

словами. Если бы «Огненное погребение» писал действительно охранник, то, наверное, он бы выглядел именно так — вот все, что мы в тот момент думали. И, признаться, не предполагали, что так близки к правде.

— А что же вы тут делаете? — спросила Мор со свойственной ей насмешкой. — Отдыхаете?

— Ага, — затряс головой мужик. — Отдыхать на кладбище буду. Охраняю вон халабуду эту, — он показал рукой на минимаркет, красовавшийся через дорогу. — А че еще делать? — сказал он то ли в оправдание, то ли в продолжение разговора.

— Америку ненавидеть, — бросила Мор.

— Не, ну я же не просто так, с нихрена вот, — завелся мужик. — Америка нас унижает, Америка нас поставила на колени. Почему это все? — он описал руками неопределенный жест. — Потому что Америка.

— Ну, я вообще америкосов тоже не люблю, — как-то неуверенно сказал Антон.

— Да и я недолюбиваю, — сказал я, но тут же хотел пояснить, что совсем не хочу об этом разговаривать. Девушка напротив интересовала меня куда больше, чем Америка. Да и моего друга тоже. Зато она совершенно не интересовала охранника.

— Ну вот вы и нашли друг друга, собеседнички. Темы у вас общие есть, сидите, общайтесь, — сказала Морган вежливо и упорхнула.

— Вот и правильно! Проваливай, — немедленноотреагировал грубиян. — В свою Америку!

Мы с тоской провожали девушку глазами, наблюдая, как она пересекает перекресток и садится в маршрутку.

— Ну твою ж мать, — выругался Антон.

— Бабы — они все такие, — замотал головой мужик. — Сначала они с тобой туда-сюда, там, то да се, — он листал свой мысленный словарь синонимов, но, так и не найдя ничего подходящего, плюнул. В прямом смысле — прямо мне под ноги, чуть не попав на джинсы. — А потом, — он глубокомысленно вздохнул, — валят в Америку.

— Мужик, — в сердцах сказали мы. — Ну вот далась тебе твоя Америка!

— Да мне она знаешь куда далась, — сказал мужик и все-таки уточнил. Но мы были люди подготовленные, уши у нас не вяли. И уже собирались произнести примерно то же самое, уточняя, куда ему вместе со всей своей Америкой идти. — Но ведь жить не дает, зараза! Жить не дает!

Мужик изливал нам душу — говорил о самом откровенном. Похоже, что он позволял себе такое только на последней стадии опьянения. Правда, мысли давались ему все сложнее, и временами он только издавал мычащие звуки и пытался махнуть рукой.

— Вот ты скажи мне, — выпалил он так быстро и громко, насколько хватило внезапного «просветления». — Вот у нас страна такая большая: Калининград там, Ленинград, Урал, прикинь, Урал целый! А Сибирь-то, Сибирь! А Сахалин! — тут он и вовсе вытаращил глаза. — Сахалин-то! Вы были хоть на Сахалине, пацаны?

— Ну что тебе сказать про Сахалин, — как умел, продолжил тему Антон.

— Я бы съездил, — произнес я. — Да не приглашает никто.

— Вот и я говорю: съездил! Я бы тебе по морде съездил!

Нас было двое, и внезапной агрессии мужика мы не придали значения. И правильно: он тотчас же нашел ей другое, привычное применение:

— А у них страна никакая! Есть там Калининград? Нет Калининграда. Есть Ленинград? Нет Ленинграда. Ни Урала у них, ни Сибири, твою их мать, нет. А Сахалин? Че, думаете, Сахалин у них хотя бы есть?

Мы ничего не думали, а прямо ему и сказали:

— Мужик! Слушай, иди проспись.

— Вот и я говорю! Нет у них Сахалина! — тор-

жествующе заключил мужик и начал осторожно подниматься. — А еще Америка...

Мы не скрывали удовольствия от того, что наш собеседник уходит, и даже вручили ему бутылку пива, чтоб быстрее на радостях шел. Но он все стоял, нависнув над нами, как туча, и бормотал что-то бессвязное. Все, что можно было понять из его речи — это рычание, сопение и слово «ненавижу».

— У нас — образование, а у них — чёрт-те что, — неожиданно четко сказал мужик и наконец отвернулся от нас, собираясь идти. Эта последняя его претензия к Америке рассмешила меня. Улыбаясь, я полез в карман за сигаретой:

— Ну чего, теперь на «Корабль» двинем? — а куда нам было еще деваться? И пусть этот «Корабль» пришвартован навеки к нашему райончику, пусть мы никогда не побываем на нем ни в Америке, ни на Сахалине — но хоть поднимемся «на борт», ведь так скучно в этом «порту», на трех скамейках!

— Эй, смотри! — изумленно воскликнул Антон прямо возле моего уха, и уже по одному этому вопросу я понял, что сюрпризы от неожиданного гостя еще не исчерпаны. Тот направлялся, шатаясь, в сторону троллейбусной остановки, и только тут я догадался, что же так впечатлило Антона. Во всю спину охранника, стилизованные под цвета знакомого всему миру национального флага, красовались три огромные буквы: U.S.A.

□

Георгий ГОРЬКИЙ (наст. имя *Георгий Панкратов*)

родился в Санкт-Петербурге.

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Публиковался во многих журналах и альманахах.

Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014)

и литературной премии «Золотая тыква» (2014),

лауреат литературного конкурса «За далью даль» (2014).

Участник проекта «Дневник поколения»

издательства «Вече» (2014) и др.

Лауреат литературного конкурса

«Северная звезда-2014» журнала «Север».

В настоящее время проживает в Москве и Севастополе.

